

В поисках локальной идентичности Басманного района Москвы: от неуловимого к множественному¹

Екатерина Бабурина
Иван Митин
Александр Михайлов
Диана Хазиахметова

Введение

Локальная (территориальная) идентичность и эмоциональная связь между человеком и сообществом, с одной стороны, и местом и территорией, которую они называют «своей», – с другой, находятся в фокусе изучения сразу нескольких социальных и гуманитарных наук. Множественность подходов, а также многоканальность этих связей между человеком и пространством сделали саму категорию территориальной идентичности неоднозначной и даже спорной [Богданова, Бредникова, Запорожец, 2021].

1. Исследование проведено в рамках работы проектной группы «Культурная и гуманитарная география города», созданной в соответствии с «Положением о конкурсе факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ на формирование проектных групп и поддержку проектной деятельности». В работе группы, помимо авторов статьи, принимали участие Дмитрий Замятин, Денис Кирюхин, Катерина Лысенко, Ульяна Сересова и Алиса Сторчак.

Бабурина Екатерина Алексеевна, студентка, бакалаврская программа «Городское планирование», Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: kababurina@gmail.com

Митин Иван Игоревич, кандидат географических наук, доцент, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: imitin@hse.ru

Михайлов Александр Александрович, преподаватель, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Факультет городского и регионального развития (ВШУ ФГРР), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Российская Федерация, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 13, стр. 4.
E-mail: aamihaylov@hse.ru

Хазиахметова Диана Данияровна, ассистент-исследователь, Факультет географии, Университет Джорджа Вашингтона (GW), США, 20052, Washington, D.C., 2036 H St. NW, Samson Hall, Second Floor.
E-mail: diana.khaziakhmetova@gmail.com

В статье рассматривается локальная идентичность Басманного района Москвы, понимаемая через множество взаимосвязанных уникальных образов этой городской территории, составляющих основу механизма отождествления местных жителей со «своим» означенным и осмысленным местом. Центральное положение этого района и его историческая застройка, как ни парадоксально, актуализируют задачу поиска уникальной идентичности, поскольку понимание центральности неоднозначно и размывает локальную специфику, а значение наследия оригинально интерпретируется образом историчности района. Диверсификация смыслов, репрезентированная в идее разнообразного района, легитимирует значение центральности и рождает целый ряд противоречивых составляющих локальной идентичности – от студенческого и «тусовочного» района до креативного. Центральность района, таким образом, поддерживает множественность локальных субцентров и соответствующую

«Привязка» к «своему» месту – действительно не единственная идентичность, конструируемая людьми в повседневной жизни, и не единственное основание для сплочения сообществ. Однако, на наш взгляд, размывание этой «привязки» только лишним раз актуализирует изучение локальной идентичности: что же связывает нас с территорией, на которой мы чувствуем себя дома; или, лучше сказать, как мы создаем свое место, каким его видим и чувствуем, что в нашем районе такого особенного, что заставляет сердце биться чуть сильнее и позволяет нам отличить наше место от всех остальных?

Задаваясь этим вопросом, мы намеренно обращаемся не к очевидным примерам новых районов, в которых трудно отыскать предмет локального патриотизма [Аларушкина и др., 2019], а к одному из центральных районов Москвы. Кажется, что про Басманный район сказано и написано немало, он всегда в центре внимания медиа, но это вовсе не делает его понятным, однозначным, полностью изученным. Напротив, именно центральные районы крупнейших городов попадают в определенную «ловушку»: они у всех на слуху, поэтому про каждый в отдельности центральный район мы не знаем практически ничего.

Итак, настоящая статья посвящена выявлению оснований локальной идентичности одного из центральных районов Москвы – Басманного. С одной стороны, территория центральных исторических районов городов с их богатым символическим капиталом уже хорошо изучена [Relph, 1976; Ter-Ghazaryan, 2013; Федотова, Васильева, 2017; Млечко, 2015]. Тем не менее задача усложняется, если мы изучаем такой крупный город, как Москва, центр которого крайне неоднозначен с точки зрения пространственных репрезентаций. Каждый день на его территории пересекаются пути множества социокультурных групп, каждая из которых формирует собственный образ города и его центра. Образы взаимодействуют друг с другом множеством способов – в частности, они могут «накладываться», дополняться или даже «перекрывать» друг друга. Подобная многоголосица (*multivocality*) представлений о центральных городских территориях в восприятии людей создает трудности как для выявления идентичности района, так и для дальнейшего вовлечения оснований этой идентичности в практику геокультурного брендинга, плейсмейкинга, городского планирования.

Место и множественные локальные идентичности

Теоретической рамкой настоящего исследования послужила англо-американская школа новой культурной и гуманистической географии и сложившееся в ней представление о месте (*place*) [Митин, 2011, 2022б]. В фокусе внимания не столько материальное пространство, сколько его ментальные репрезентации и проживаемые практики [Левфевр, 2015, с. 18], смыслы, значения, понимания, интерпретации, образы создаваемого людьми места [Линч, 1982; Tuan, 2002], пропитывающие его личным и культурным значением [Cuba, Hummon, 1993, p. 114] и порождающие концепцию личности (*personality*) места [Tuan, 1974]. Человек может одновременно и ощущать себя частью места, и представлять его как нечто отдельное, внешнее [Entrikin, 1991]. Наложение этих контекстов создает специфику, уникальность места или основания для идентичности места: «И важна не только идентичность места, но и идентичность человека или группы, связанная с этим местом, – в частности, переживают ли они его [место] внутри или внешне» [Relph, 1976, p. 45, 62]. Согласно концепции Э. Релфа, «внутреннее» переживание места характеризует привязанность к месту, его положительное восприятие и более сильное соотношение своей идентичности с идентичностью места. Внешнее переживание характеризует негативное восприятие места, которое способствует чувству отчужденности. Место

щих им множественных смыслов места. Воспоминания о Немецкой слободе вызывают к жизни идею «альтернативного центра». При этом идентичность исторического района с собственной атмосферой «для своих» входит в семантический конфликт с ориентированными на привлечение внешних посетителей образами (студенческий, креативный, тусовочный район). В результате манифестируется локальная гражданская позиция и идентичность активистского района, основанная на разнообразии смыслов, множестве оспариваемых мест, связанных с сохранением исторического наследия, многообразии местных сообществ и гражданских инициатив, в том числе направленных против важных ядер формирования образов креативного и тусовочного образов района. Вся эта множественность смыслов, противоречащих и/или взаимосвязанных один с другим, имеющих яркую локализацию в отдельных местных вернакулярах или «размазанных» по нечетко осознаваемой общей территории района, и составляет сложный палимпсест локальной идентичности Басманного района Москвы.

Ключевые слова: локальная идентичность; образ города; место; уникальность; палимпсест; Басманный район

Цитирование: Бабурина Е. А., Митин И. И., Михайлов А. А., Хазиахметова Д. Д. (2024) В поисках локальной идентичности Басманного района Москвы: от неуловимого к множественному // Городские исследования и практики. Т. 9. № 1. С. 34–54. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp91202434-54>

представляется как осмысленный и означенный участок пространства и конструируется людьми посредством репрезентаций (образов, мифов, идентичностей). *Уникальность* места, то, что отличает его от других в глазах считающих его «своим», составляет *основания локальной идентичности* как одной из важнейших пространственных репрезентаций, «привязанной» одновременно и к месту, и к субъекту и потому представляющей непременно множественной.

Территориальную (локальную) идентичность мы определяем *двояко*. Как показано выше, во-первых, это способ интеграции человека с определенным местом через его (этого места) характерные особенности и его отличия от других мест [Relph, 1976, p. 44–62], способ отождествления себя с определенным местом [Смирнягин, 2007; Ehrkamp, 2010] – акцент здесь мы делаем на то, что есть *что-то в самом месте*, что делает его «своим» для человека. Во-вторых, локальная идентичность – это один из множества типов идентичностей [Губогло, 2003, с. 40], который представляет собой результат контакта между человеком и местом [Proshansky, Fabian, Kamikoff, 1983, p. 57], «внутреннюю привязку человека к месту своей жизни, эмоциональную и одновременно социальную связь, которая формируется в результате множественных взаимодействий как с городской средой, так и с социумом» [Вендина, 2012], результат самоидентификации человека или сообщества с определенным местом [Ehrkamp, 2010; Strelnikova, 2018]. Это второе понимание указывает на неизбежную *множественность* локальных идентичностей одного и того же места, что при этом не противоречит первому пониманию: уникальный образ места, формирующий основания для локальной идентичности, – это, разумеется, не одно, а целая система взаимосвязанных значений и пространственных репрезентаций.

Идентичность конструируется человеком: на основании своих ценностей, личного опыта и социокультурного контекста; он наделяет бесконечное и потому безразличное окружающее его пространство смыслом и концептуализирует его ограниченный участок, превращая его в место с определенной идентичностью. Формировать территориальную идентичность как символический капитал города может не только и не столько один индивид, сколько локальное сообщество [Визгалов, 2011, с. 38] и общество в целом. При этом

смысл и уникальные черты территории, формирующие идентичность, не могут быть привнесенными извне, а должны четко отражать представления человека или сообщества о конкретном месте [Визгалов, 2011, с. 11]. Степень сформированности территориальной идентичности определяет уровень локального самосознания [Визгалов, 2011, с. 137].

С точки зрения психологии идентичность придает жизни цель и смысл, создает чувство принадлежности и влияет на благополучие человека [Самошкина, 2008, с. 46]. Чувство идентичности, как принадлежности к определенному месту или сообществу, необходимо для человеческого существования [Relph, 1976].

Рассмотрение характерных особенностей места, служащих основаниями локальной идентичности, осуществляется в настоящей статье с помощью мифогеографической модели места как палимпсеста [Mitin, 2018; Митин, 2022a]. Это позволяет не только изучить локальную идентичность конкретного района, но и внести вклад в развитие потенциала территориального брендинга, учитывая концепции геокультурного брендинга территорий [Замятин, 2013], органического брендинга, основанного на идентичности мест [Warnaby, Medway, 2013; Kavartzis, Hatch, 2013]. Бренд городской территории понимается как совокупность элементов, создающих уникальные ассоциации с местом в сознании общества [Kavartzis, Ashworth, 2010, p. 4], к которым можно прибегать в коммерческих целях – например, в туристском маркетинге, используя территориальную идентичность для формирования привлекательной городской среды [Chang, Lim, 2004]. Поиск и развитие территориальной идентичности способствует экономическому росту и повышению конкурентоспособности территории [Визгалов, 2011, с. 11]. Особенно актуальным становится изучение территориальной идентичности в эпоху глобализации: разобраться в огромном и необъятном мире и самом себе возможно, начав с воспоминаний об исторической памяти [Castells, 2010, p. 69] и определения себя через место.

Центр и центральность

Центр – средоточие, квинтэссенция и зона гиперконцентрации всякой системы. Центральная территория столицы репрезентирует не только столицу, но и страну в целом [Ter-Ghazaryan, 2013], ее прошлое

и настоящее, ее символический капитал, ее идентичность. При этом идентичность не статична, она может меняться [Bitusikova, 1998] – соответственно меняется и репрезентация: «Постсоциалистические городские центры, первоначально построенные под диктовку центральных планировщиков и предназначенные для удовлетворения потребностей командной экономики, в настоящее время развиваются на стыке разнообразных и часто конкурирующих экономических, культурных и политических сил» [Diener, Hagen, 2013, p. 487].

Как правило, изменения городской среды и условий жизни начинаются (а зачастую и заканчиваются) реконструкцией центральных районов. Так, попытка превратить Ереван в современный постсоветский столичный город, сама суть процессов переосмысления в первую очередь отражается в трех центральных местах города – площадь вокруг Оперы, Северный проспект и площадь Республики [Ter-Ghazaryan, 2013, p. 570]. Если нужно установить объект, символизирующий национальный образ, его устанавливают в центре – как с памятником Витторио Эмануэле II, характеризующим текущую идею итальянской культуры и потому установленном в самом сердце Рима [Atkinson, Cosgrove, 1998, p. 30]. Главной достопримечательностью и источником символического капитала Великого Новгорода служит детинец, он же и формирует вокруг себя не только исторический, но и смысловой центр города [Федотова, Васильева, 2017]. Но что означает центр города как территория *сама по себе*, а не как выразитель города, как в случае с Великим Новгородом, или всей страны, как в случае с Ереваном и Римом? Это наш первый исследовательский фокус.

Второй фокус направлен на *множественность* смыслов центра, которая приводит к затруднениям при его концептуализации. Это та же множественность, которая, как показано выше, свойственна всякому месту, только для центра это справедливо в превосходной степени: слишком много *всего* переплетено здесь! «В городских центрах все чаще преобладали монументальные ансамбли правительственных учреждений, элитного жилья, престижных культурных учреждений и исторических памятников, в то время как массовая застройка и промышленность занимали городские окраины» [Diener, Hagen, 2013, p. 495]. Центральная часть города – это территория, «нагруженная» максимальным количеством смыслов и интерпретаций [Relph, 1976, p. 34–36, 114–115; Ter-Ghazaryan, 2013; Федотова, Васильева,

2017; Млечко, 2015]. Однако эти смыслы и интерпретации, кажущиеся однородными для описания идентичности жителей крупных территорий (например, идентичность россиян, идентичность москвичей), могут быть отличными друг от друга при переходе на локальный уровень [Вендина, 2012]. Так, центр Москвы не однородная территория, а территория, состоящая из нескольких районов – очевидно, нескольких сосуществующих, накладывающихся один на другой вернакулярных районов.

Одновременное *перенасыщение* глобальным символическим смыслом и отсутствием фокуса на уникальных локальных особенностях и сложности выделения отдельных районов внутри центра города приводят, во-первых, к отсутствию систематизированного представления о территориальной идентичности центральных районов, а во-вторых, к невозможности развивать их территориальный брендинг. Это обстоятельство актуализирует и обосновывает поставленную в настоящей статье задачу выявления оснований (системы взаимосвязанных смыслов, формирующих уникальность места) локальной идентичности Басманного района.

Басманный район как центральный

Басманный район – один из центральных районов Москвы, содержащий и локальные уникальные характеристики, и характеристики, присущие всей центральной территории. Как разобраться во множественности смыслов и образов? Какова территориальная идентичность Басманного района? Что отличает его от других центральных районов?

Настоящее исследование, направленное на выявление составляющих идентичности Басманного района, было проведено Проектной группой «Культурная и гуманитарная география города» НИУ ВШЭ по заказу Региональной общественной организации «Эколого-культурное объединение „Слобода“» в 2020 г. Оно включало в себя анализ историко-краеведческих, научных, публицистических и художественных источников для выявления предварительных гипотетических составляющих идентичности и серию из трёх экспертных интервью с представителями проектных, общественных и культурно-досуговых организаций и 21 глубинных полуструктурированных интервью с жителями Басманного района с различными демо-

графическими и социопрофессиональными характеристиками и разным стажем проживания в районе. Интерпретация интервью позволила нам выявить набор уникальных черт Басманного района, составляющих основу для формирования его локальной идентичности, и систему связей между ними.

Все нижеперечисленные составляющие идентичности, которые производятся на территории Басманного района, воспринимаются неодинаково разными жителями. Однако наше исследование направлено на выявление множества уникальных локальных идентичностей. Так, взаимосвязанные представления складываются в целостную картину наслаиваемых друг на друга и иногда противоречивых идентичностей, которая дает нам возможность определять Басманный район как палимпсест [Mitin, 2018; Митин, 2022a]. Однако стоит заметить, что административные границы Басманного захватывают довольно обширную территорию, так что практически каждая выделенная отличительная черта района проявляется больше или меньше в разных его частях, как бы локализуясь в определенных значимых точках. Информанты, проживающие в разных частях района, также выделяют разные наиболее значимые для них идентичности. Все это накладывает определенную оптику, которую стоит учитывать при интерпретации результатов исследования. Так, в частности, выявленные идентичности района имеют свои пространственные паттерны проявления и репрезентации (*spatialities*).

Понимание Басманного района как центрального неизбежно возникает у местных жителей. Разумеется, этот образ хоть и не уникален, но его нельзя не назвать основным для района. Идея центральности выделена в первую очередь не на основе географического положения района, а именно через самоощущение его жителей как жителей центра:

В моем представлении он такой, усредненный житель, это женщина тридцать пять плюс, которая... У нее, например, родители из какой-нибудь советской номенклатуры или интеллигенции, и вот она живет, опять же, в каком-то Лялином переулке и пишет гневные посты в фейсбуке... наверное, она не работает. Она, наверное, сдает квартиру какую-нибудь еще одну. И чтоб*

было время писать гневные посты в фейсбуке (Д. М., муж., ок. 20 лет, живет в Лялином переулке).

Несмотря на это, собирательный образ жителя Басманного множественный, как и сам район, а часто его и вовсе затруднительно представить. Соседство противоположных типажей жителей в рассматриваемом кейсе в очередной раз отсылает к разнообразности района:

Если брать сравнение с другими центральными районами Москвы, мне кажется, в Басманном районе люди как-то более простые, несмотря на то что они живут в центре. Казалось бы, это, наверное, какой-то статус. У них нет какой-то заносчивости, здесь живут совершенно разные слои населения, условно супербогатые люди и среднего класса. <...> То есть это не такой «мажорский» район, если говорить простыми словами, а вполне себе смешанный простой район (А., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Если рассматривать район с точки зрения его географического положения и фиксировать центральность по вернакулярным ориентирам, все еще нельзя утверждать, что жители относят его к однозначно центральному. Мнения информантов варьируются в зависимости от их места проживания в районе.

Дневной [район] – это «пригород центра»... Ну, по сути, центр – это перед Садовым, а я за Садовым, поэтому я это центром не считаю (Д. К., муж., ок. 20 лет, живет около станции метро «Курская»).

Но, несмотря на подобную внутреннюю поляризацию, невозможно отрицать общую центральность района. Это выделяется в стремлении жителей отделить «свое» юридически центральное положение от «чужого», в роли которого уже выступают полупериферийные и периферийные части города. Информанты тем не менее отмечают неоднородность среды Басманного из-за его сильной протяженности:

То есть Басманный район, он большой: он от Ивановской горки до Семеновской. И фактически это три разных

* Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

района, поэтому объединять его в один – это не совсем верно с методологической точки зрения, потому что часть от Ивановской горки до Садового кольца – это одна часть, с одной там транспортной доступностью и так далее, одним радиусом. От Садового кольца до Третьего транспортного – это другая часть, и от Третьего транспортного до Семеновской – это абсолютно третья, никак не коррелирующие между собой части. Я живу в той части, которая посередине. Улица Новая Басманная, она между... от Садового кольца идет до площади Разгуляй. Соответственно по сравнению с районом Ростокино, где я очень долго жила, это намного более лучшая транспортная доступность, существенно ближе к метро, больше разных, существенно лучше выбор медицинских учреждений, учреждений образования, в том числе дополнительного образования для детей и так далее. Естественно, как центр – то меньше парков, хуже с озеленением, но это центр Москвы (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

О центральности места также говорит внешний облик района, который и отображает в себе важные образы всей Москвы как таковой, и формирует ментально уникальный облик района. Это подтверждает устойчивую связь между районным своеобразием, диверсификацией оснований идентичности («разнообразный район») и центральностью.

Очень много районов Москвы, например, на окраине, они в принципе идентичны друг другу. У них, конечно, есть свои отличительные черты, но по большому счету это все равно спальные районы, и, чтобы узнать, что такое настоящая Москва с низкими домами, улочками, парками, достаточно приехать только на Басманный – и уже, в принципе, поймешь, как устроена Москва. <...> Да, собирательный образ Москвы (Д. К., муж., ок. 20 лет, живет около станции метро «Курская»).

Некоторые информанты отмечали схожесть Басманного с Санкт-Петербургом. Обычно москвичи отождествляют Петербург с чем-то уютным, более спокойным (непосредственно в сравнении с московским опытом), комфортным и «атмосфер-

ным», в этом смысле образ «культурной столицы» репрезентируется центром (центральность столицы как репрезентация всей страны) и средовым и архитектурным разнообразием. Образ центральности здесь тесно сопрягается с неоднородным составом населения, а наличие дружественных по отношению к сексуальным меньшинствам «заведений» также подразумевает инклюзивность района и, как уже упоминалось выше, комфортность среды:

Здесь немного «питерский» район, здесь живет очень много творческой интеллигенции. Много семей, где дети занимаются тем же, чем и их родители. Поколения актеров или еще какие-то штуки [сообщества], открыто ведущие себя. [Соответствующие] заведения (В., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Курская»).

Петербургские образы, впрочем, иногда, напротив, связываются с однородностью архитектурной среды:

Если ты хочешь переехать в Москву и прочувствовать вот те самые «питерские» вайбы и как-то типа пожить в прикольном районе, то, наверное, вот таких районов в Москве всего каких-нибудь Таганский и Басманный остались. Потому что здесь прям, как мне кажется, минимальная-минимальная, в общем, застройка советская шестидесятых-семидесятых годов (П., муж., ок. 25 лет, живет на улице Старая Басманная).

Таким образом, мы можем рассматривать центральность Басманного как с точки зрения его географического положения (хоть и неоднозначно), так и через оптику средовых и ментальных паттернов центра города. Центральность как перцепционная категория не существует сама по себе, а лишь в соседстве с другими составляющими «басманной» идентичности, о которых поговорим ниже.

Разнообразный район

Как уже упоминалось ранее, разнообразие – одна из основных составляющих палимпсеста идентичностей Басманного района, при этом тесно инкорпорированная в понимание центральности). В первую очередь оно проявляется в разном составе населения района.

Информанты указывают на неодинаковость социальных статусов, уровней благосостояния и социального происхождения «местных» даже в рамках двора или дома:

Жители Басманного... это огромная диверсификация, огромный спектр людей, даже в рамках нашего дома – от очень мрачных и маргинальных некоторых – не говорю, всех – жителей коммунальных квартир до весьма очень состоятельных людей (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

При этом различия в населении хотя и связаны с дифференциацией по близости к центру или положению внутри Садового кольца, но не сводимы к ней:

[Район], во-первых, очень разный, я думаю, что здесь расслоение больше, чем, например, в Тверском районе. Я думаю, что в Тверском районе более-менее все богатые. У нас действительно хватает небогатых людей, хватает средних людей, хватает пенсионеров с небольшой пенсией, поэтому по меркам центра наш район по составу населения такой, чуть-чуть проще, думаю. <...> Я думаю, что наше население более дифференцировано, чем в других районах центра (И., муж., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Диверсификация прослеживается не только в составе населения района, но и в его архитектурном и функциональном разнообразии. Такой широкий функционал среды помогает формировать закрытую самодостаточную систему внутри района, «город в городе», в котором не просто возможно, условно, найти все необходимое, но и проводить время с пользой и интересом жителям и гостям района.

Здесь же французская школа рядом, много французов живут, у нас даже соседи французы были одно время. Они тоже как-то по-своему проводят время, все равно очень разное, есть и место для прогулки, место, где посидеть, место, где чисто урбанистически насладиться, магазины есть, книжку где почитать. В целом есть много где чем заняться, то есть это такой город в городе, особо никуда выезжать даже

не нужно (Е., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

Отдельная составляющая образа разнообразного района связана с его религиозностью – это *конфессиональное многообразие*. Басманный становится центром локальных этноконфессиональных сообществ, и это еще одна «связка» центральности и разнообразия в районном палимпсесте. Представители почти всех конфессий чувствуют себя комфортно в районе, имеют пространство и свободу для выражения. Храмы принадлежат различным архитектурным стилям и историческим эпохам, что также подчеркивает его разнообразность.

Он очень разный, космополитичный в том числе, потому что здесь и синагога, и католический храм, и православные храмы. И в целом на одном участке земли много разных конфессий и очень много иностранцев здесь живет, они тоже добавляют что-то свое, то есть кто-то что-то открывает свое, у них есть целые кучки, где они тусуются, есть места, куда они ходят (Е., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

У нас, естественно, есть прекрасная лютеранская церковь, но это опять-таки к разделению, так как это больше относится к Покровке, Маросейке. На нашей [Новой Басманной] улице это, соответственно, собор Петра и Павла, якобы по петровским эскизам, хотя я люблю больше [Вознесенскую церковь] на Гороховом поле. Она в таком неоклассическом стиле, более мне близком, но у нас есть абсолютно прекрасные и уникальные церкви старообрядческие (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

Разнообразие, таким образом, связано с центральностью и, очевидно, зачастую отсылает к историческому прошлому района, множественности его истории, выраженной сегодня в культурном наследии Басманного.

Историчный район

Историко-культурное наследие по-разному понимается и интерпретируется разными сообществами жителей Басманного района. Зачастую, собственно, осо-

знание ценности конкретных памятников, объектов, исторических фактов подменяется мифом об историчности, или наоборот.

Так, мнение одного из информантов практически полностью зиждется на осознании историчности района и ее ценности для жителей: сохранить сложившийся исторический палимпсест необходимо, и это отсылает нас также к активистской настроенности жителей Басманного.

К старым зданиям, к старым районам нужно подходить сохраняя их древность, а не устилая их гранитными плитками. Понимаете? Это важная история (А., муж., 56 лет, живет в Подкольном переулке).

Особое место в истории Басманного района занимает находившаяся здесь и имевшая особый статус Немецкая слобода. Именно это стало причиной возникновения «особой центральности», образа района как альтернативного центра Москвы.

Эпоха Петра – это возвышение Немецкой слободы, то есть по сути возвышение Басманного района. В каком плане? Поскольку сюда приезжает еще не царь и не император, а просто молодой Петр, он узнает абсолютно другую жизнь. Когда Петр восходит на престол, эта слобода становится тем местом, где ему нравится бывать. А раз там нравится бывать царю, туда едет кто? Туда едет вся знать... Значит, в нем [районе] было что-то такое, из-за чего им [знати] хотелось ехать сюда. А раз сюда едет император или императрица, соответственно, весь двор, весь свет тоже едет сюда (Е., жен., эксперт, представитель учреждения культуры).

Исторически Басманный район выступал как «другой центр», определенная альтернатива закрытой территории «властного» Кремля как главного центра. И по сей день Басманный остается *человекоориентированным* центром, более разнообразным и свободным. Идентичность, которая зиждется на богатой истории района, хоть и не всегда выступает доминантным фактором для идентификации района, но при этом встраивается в повседневность местных сообществ. Это прослеживается в описании типичного маршрута «от дома до метро»: путь в три минуты вмещает

в себя множество исторических напластований среды:

Туда есть два основных маршрута: один покорооче, другой более интересный – наверное, так можно сказать. <...> Между моим переулком и метро «Бауманская» там только дворы, то есть... я перехожу свой [Плетешковский] переулок, на его другую сторону, прохожу мимо него в сторону Бауманской, мимо школы имени Пушкина, где он якобы родился, а на самом деле нет. И потом мимо, обычно, точнее, всегда прохожу через арку, такой у нас есть дом Карабанова, который Матвей Казаков построил, ну, просто из эстетических соображений, ну в принципе, это и самый близкий путь, наверное. Вот, и оказываюсь уже у метро, то есть мне идти буквально минуты три (И., муж., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Исторические пласты органично вплетаются в повседневность даже внутри домашней среды. Здесь наше восприятие смещается на еще более детальное рассмотрение своего (района как) дома, а историчность района конструируется через историю, которую хранит в себе каждое здание:

Вот, и, если ты видишь, за мной супер-желтые обои старые. И, короче, кусок вот этой обои отклеился, когда я только переехал [сюда]. И я уже хотел его подклеить и в какой-то момент думаю: «...Раньше же клеили обои на газеты и, наверное, там, типа, ну, понятно, много слоев обоев и, наверное, там где-то внизу газета». И я отгибаю его и смотрю, типа, какого года газета, и она оказывается там от апреля 1936 года (П., муж., ок. 25 лет, живет на улице Старая Басманная).

Несколько информантов делают акцент на важности исторической идентичности Басманного: по их мнению, именно наложение многообразных историко-архитектурных пластов делает район уникальным. Это в очередной раз отсылает нас к разнообразности района, его альтернативной центральности.

Можно задать абсолютно любую эпоху [истории] России, начиная, да ду-

маю, что с Ивана Грозного и в радиусе 10 минут пешком от моего дома найдется несколько каких-то артефактов с тех пор. То есть это самый... Я думаю, что на примере нашего района лучше всего изучать историю Москвы в принципе, здесь есть абсолютно все, есть даже уже... вон есть собянинское строительство. ...Здесь есть абсолютно все эпохи, и они все представлены достаточно широко, достаточно интересно. Хотите конструктивизм – сюда, хотите некрасивые брежневские панельки – сюда, хотите лужковские ухищрения – сюда, хотите этническую дифференциацию, историческую – сюда, всё что угодно, абсолютно это всё есть здесь. Ну вот, например, тут-то, что самое главное, самое-самое главное (И., муж., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Разнообразие архитектурных стилей и исторических периодов в рамках района не позволяет выделять отдельные части Басманного, которые репрезентировали бы своего рода хронотоп, единственную заданную историческую эпоху, поэтому район даже в историко-географическом смысле – подлинный палимпсест эпох.

Поскольку сохранились объекты, которые представляют интерес, самых разных эпох... У нас нельзя по эпохам выстроить [экскурсию по району] в хронологическом порядке. Пока мы идем по улице, нам может встретиться объект, сохранившийся с конца XVIII века, с середины XIX и конструктивизм. То есть XX век. Мы же не можем его обойти, мы и про него расскажем. То есть он представляет интерес, с ним связана какая-то история, какие-то личности (Е., жен., эксперт, представитель учреждения культуры).

Где Подсосенский переулок и где как раз куча разных архитектурных стилей. Он такой тоже довольно обособленный. Там еще много современного стрит-арта на стенах. <...> Здесь именно различные архитектурные стили представлены в постройках. В основном в жилых домах. Здесь нет ничего в стиле урбан, не считая «Атриума». Но в целом в районе довольно старинная бытовая архитектура. Много очень

церквей неотреставрированных (В., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Курская»).

Мы можем утверждать, что историчность района занимает объективно важное место в картине его восприятия. Исторический статус района служит предметом гордости жителей. «Старый», «уютный», «сохранившийся» – все это описывает важный феномен Басманного: несмотря на известные случаи сноса отдельных исторических зданий, целостность культурного ландшафта района сохраняется, его не пытаются пере- и застроить, заменив сложившуюся эклектичную «ткань» переплетающихся эпох. Это делает район таким ценным для Москвы в целом и еще раз подчеркивает его центральность:

[Горжусь] тем, что Басманный после Кремля и Красной площади – это район с наиболее сохранившейся исторической застройкой, в том числе с наибольшим количеством памятников архитектуры. <...> [Горжусь] сохранностью исторической застройки, тем, что не «прорубили» через него основные магистрали и это сохранило эту сетку улиц, домов и сохранило эту атмосферу (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

Образ исторического района также связан с сохранностью среды:

Для меня как для архитектора важно то, что здесь, например, нет высоких зданий, которые на тебя давят, то есть исторический район, который сохранил или пытается сохранить свою идентичность, включая жилые здания, старые институты, то есть он такой уютный, он уютный и не давящий. В окружении исторической застройки это очень круто, мне кажется (А., муж., ок. 40 лет, работает на Нижней Сыромятнической улице).

А эти два образа вместе объединяются идеей разнообразия, и вместе они служат важным триггером формирования привязанности жителей к месту:

А потом... я много здесь ходила, много ходила, гуляла и очень любила, ну я вообще люблю старое все, ну в смысле архитектуру, старые города, старые районы! Мне очень понрави-

лось, что район очень сохранный в этом смысле, со своим лицом... и не так сильно испорчен постсоветскими вот этими всеми постройками лужковскими, то есть такой достаточно сохранный (К., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

Внешний облик района, его красота и гармоничность также находятся в тесной связи с его исторической наполненностью.

Я далек от всяких архитектурных терминов, поэтому тут, наверное... Ну что... это просто красиво, ну – визуально. Если ты хочешь переехать в Москву и прочувствовать... и как-то типа пожить в прикольном районе, то, наверное, вот таких районов в Москве всего каких-нибудь [два:] Таганский и Басманный остались вот, потому что здесь прямо, как мне кажется, минимальная, минимальная, в общем, застройка советская шестидесятых-семидесятых годов (П., муж., ок. 25 лет, живет на Старой Басманной улице).

Эстетическая оценка влияет на повседневность районных маршрутов:

И на бульварах красиво, и там в сторону «Курской» довольно-таки прикольные места. Вот ну, допустим, типа мы прошли по бульвару до там той же самой Покровки, потом как-нибудь зигзагом пошли в сторону «Курской», плутали и вышли, собственно, не знаю, примерно к «Курской» и, перейдя железную дорогу под «Курской», можно как раз вот пойти переулками вот и дворами, они тоже классно сохранились. И, собственно, по ним можно дойти и вот фактически до площади Разгуляй (П., муж., ок. 25 лет, живет на Старой Басманной улице).

Получается, что симбиоз центральности, историчности и разнообразия среды Басманного района становится основой для формирования духа места и привязанности жителей, а значит, составляет ядро локальной идентичности:

Меня с детства удивляло, что в Москве можно встретить такие же красивые здания, как в Европе <...> и мне нравится идти и думать: «Оу, какая же все-таки чудесная улица!» Да, я всегда об-

ращаю внимание (А., жен., ок. 20 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Часто жители сетуют на современное благоустройство именно из-за нарушения исторической памяти Басманного, некоторые предпочли бы избавиться от нововведений, дабы не потерять индивидуальность района, которая выкристаллизовывалась веками. Как мы уже говорили выше, историчность района для жителей, его неконвенциональная красота – суть его ценность и уникальность. Жителям важно в первую очередь сохранение вот этого настоящего облика улиц и зданий, а не удобство и объективная рациональность, «современность» городской среды.

Если коротко, то [в результате благоустройства по программе «Моя улица»] стало удобнее и красивее для приезжих и так далее, но идентичность конкретных мест теряется за этим... Здесь никогда не было ничего идеально. По старым улочкам пройтись – здесь то же самое, все немного «колхозное», но оно подходило этому району. А сейчас как везде (А., муж., ок. 40 лет, работает на Нижней Сыромятнической улице).

Именно места, сохраняющие аутентичную – пусть и «непричесанную» – эклектичную красоту и напластования ушедших эпох, становятся наиболее важными для местных:

Когда я хочу повести гостей столицы, в том числе иностранных, они спрашивают меня: а где вот что-то настоящее? Я им показываю настоящее вот здесь, в Хохловском переулке, на Хитровке. Понимаете, да? Я вожу их в какие-то дворики, где сохранились места старой Хитровки. Их не так много осталось, но это важно (А., муж., 56 лет, живет в Подколокольном переулке).

Когда мы говорим о локализации паттерна историчности района, мы не можем сконцентрироваться, например, только на более «центральной» части внутри Садового кольца; напротив, важное ядро палимпсестной историчности формируется параллельно в бывшей Немецкой слободе, в северо-восточной части района, у станции метро «Бауманская».

Район «тусовочный» и студенческий

Исторический центр не единственная и не всегда главная составляющая образа Басманного района.

Я считаю, что у такого города, как Москва, должно быть много центров. И существует традиционный центр, который на самом деле не центр никакой. То есть есть Кремль, где закрытая территория, режим, есть огромная Красная площадь, где <...> бывают какие-то мероприятия, события, но это тоже не центр, это площадка. Есть Китай-город, который является скоплением административных зданий, Администрация Президента и министра финансов и так далее, есть Зарядье, где есть парк, такой прото-центр, но это крошечное место, но в Москве вообще отсутствует уютный маленький пешеходный центр, как это бывает во всех европейских городах. То есть это улочки с низкоэтажными или среднеэтажными зданиями, с суперактивными первыми этажами, где много всего: и кафе, и рестораны, и галереи, и амфитеатры, и на улице что-то происходит, вот, это места, куда все всегда идут. И не только туристы, но и горожане прежде всего! Место концентрации жизни! Тверская не такая, Патрики а-ля такие, но у Патриков тоже своя история, здесь особая ресторанный культура, здесь нету многофункциональности (П., муж., эксперт, представитель проектной организации).

Такая трактовка специфики Басманного в очередной раз отсылает нас к образу его как альтернативного центра (см. выше), но уже вне контекста историчности. Она подразумевает не только осознание «обратной стороны» центральности района (то есть как района для туристов и приезжих – для «чужих»), но скорее как района для людей. В первую очередь это обуславливается высокой концентрацией здесь объектов развлечений и рекреации. При этом четко прослеживается дробление района на отдельные самостоятельные части, одни из которых олицетворяют историческую идентичность Басманного, а другие – следующий выделяемый паттерн – его «тусовочность». В то же время внутри Бульварного кольца («в районе Китай-города»)

мы можем локализовать как историческую, так и «тусовочную» идентичность Басманного одновременно.

Хоть некоторые жители весьма активно выступают против, более того, пытаются искоренить «тусовочную» идентичность (так жители проявляют свою гражданскую позицию, о чем мы поговорим ниже), многие информанты ценят этот образ Басманного как места для развлечений.

Ну Покровка – это, естественно, не только Покровка, а все, что к ней там прилегает, на самом деле... Это и разные бары, и рестораны, и все такое (Д. М., муж., ок. 20 лет, живет в Лялином переулке).

Наверняка в Москве еще где-то есть бары, я уверена, что они хорошие, но я о них не подумаю, когда я подумаю, где встретиться с друзьями; если нет четкого места, но хочется куда-то пойти, то я еду в Басманный (Е., жен., ок. 25 лет, живет около станции метро «Курская»).

Басманный представляется местом притяжения и общения людей:

Удобно жить в центре, потому что все сюда съезжаются все равно. Ресторанов и баров очень... Это такая действительно точка притяжения, и мне абсолютно не ревностно, что там кто-то ко мне на район приезжает. Наоборот, мне хочется всех людей с этим районом познакомить, потому что здесь так классно, давайте все вместе будем здесь тусоваться... (Е., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

Важно, что «тусовочность» интерпретируется как отличительная черта Басманного среди других центральных районов, то есть как уточнение образа центральности:

Даже я когда людей разных спрашиваю, какой вот район первым приходит на ум вот именно из центральных, где классно, все называют район Китай-города, район Чистых прудов (Е., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

Информанты отмечают, что подобная активность в районе повышается скорее в ночное время, чем в дневное, этим, например, объясняется темпоральная дивер-

сификация образа Китай-города. Наличие в районе университетов и студенчества как такового, которое локализуется также в пределах Садового кольца (см. ниже) в Басманном, позволяет району менять «парадигмы» в зависимости от времени суток.

Днем это более рабочая обстановка, потому что здесь очень много кампусов университета и все по каким-то локальным местам собираются: «Братья Караваевы» на Мясницкой или «Школьник», «Черный» – все такие широко известные, в узких кругах, места, где все часто происходит, а вечером это больше тусовая парадигма, ты уже не работаешь, ты уже что-то доделал и пошел, на том же самом Китае, после того как ты поработал в «Школьнике», ты пошел тусить в какую-нибудь «Сосну и липу» (Е., жен., ок. 25 лет, живет около станции метро «Курская»).

Эта темпоральность имеет как позитивные, так и негативные коннотации:

Мне не нравится то, что мне шумят под окнами, но мне нравится, что я могу ночью прогуляться и будет как будто днем, что везде светло и многолюдно, ну, не везде, но много где (Д. М., муж., ок. 20 лет, живет в Лялинском переулке).

«Тусовочность» района, как отмечают некоторые информанты, больше локализованный паттерн, чем общий для всего района. Главными «точками притяжения» выступают Покровка и окрестности, район станции метро «Китай-город», территория внутри Садового кольца в целом.

Это не крупный тусовочный центр, если не брать Покровку и так далее. Это модное, классное место с насыщенной инфраструктурой... (А., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Для всего района в целом этот образ скорее не характерен:

Мне кажется, такой репутации пока скорее нет. И это мне нравится (А., жен., ок. 30, живет около станции метро «Бауманская»).

Безусловно, подобный имидж Басманного находится в двусторонней связи с присут-

ствием в районе студентов. Хотя студентов здесь много, так как именно здесь сосредотачивается вся «академическая» жизнь, некоторые информанты считают, что большое количество студентов обусловлено именно скоплением мест для проведения свободного времени или наличием особых точек притяжения:

Есть интересное место, уникальное абсолютно в рамках вообще всей Москвы, это ресторан-кафе армянское «Парос», которое с 89 года у нас в районе функционирует, как раз это как бы точка сбора ребят с философского факультета (И., муж., ок. 30 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Должны быть такие места с собственной атмосферой, с собственной, ни на что не похожей. «Пропаганда», как к ней ни относиться, но это любимое культовое место. Я ни разу не был, но мои дети, мои студенты все туда чешут. «Имеджин» тоже (А., муж., 56 лет, живет в Подколокольном переулке).

Креативность района связана с его образом «тусовочного» района. Однако если «тусовочность» района ярче проявляется и локализуется в границах Садового кольца, креативная ипостась района как раз выходит за рамки центра в его типичном понимании. Все это связано с тем, что современные креативные кластеры создаются чаще всего в процессе редевелопмента на бывших промышленных территориях.

Существующее проектное предложение «АртКвартала» предполагает распространение экономической и социальной «специализации» креативных кластеров на почти всю территорию Басманного района, однако подобные локусы сейчас концентрируют определенные социальные группы (чаще всего творческую молодежь) за пределами Садового кольца и способствуют созданию специфических локальных сообществ.

Иногда здесь, конечно, кромешный ад, но я прекрасно понимаю ребят, которые сидят в «Артплее», на «Винзаводе», когда туда приезжаешь – это твой мир, там особый мир, что-то, что можно делать там, нельзя делать в другой Москве, например... это, как сказать, мир, придуманный конкретно для

них... Пока такие анклав, но я думаю, что это скоро превратится в такую территорию творчества (П., муж., эксперт, представитель проектной организации).

Если об образе «тусовочности» в идентичности Басманного района можно говорить в широком плане (то есть обозначая значительные зоны района, имеющие подобную репутацию или концентрацию рекреационных мест), то креативные кластеры, согласно стратегиям и принципам их развития, скорее создают «город в городе», целостные самодостаточные системы на ограниченной территории. Басманный обретает эту идентичность благодаря большому количеству включенных подобных кластеров.

Здесь заложено все: правильная мобильность... необходимость ограничения автомобильного движения и всего остального, творческая индустрия, мы говорим о правильных офисах, о коворкингах, о малой парцелляции, необходимости стрит-ритейла... который становится не функцией, а развлечением, образованием и так далее... Творческая индустрия – это уникальность мест, это айдентика места. <...> Мы хотели создать целый мир, который основан и на интересном стрит-ритейле, и на новых типах рабочих мест, и на новых типах жилья. Конечно, территория, которая даже сейчас внутри «АртКвартала», очень неоднородна, но просто где-то она тяготеет больше к одной функции, где-то к другой! (П., муж., эксперт, представитель проектной организации).

Важно отметить тем не менее, что в последние годы креативные кластеры распространяют свое символическое влияние на окружающие их территории, превращая весь район (как и было задумано в так и не реализованном проекте «АртКвартала») в креативный:

Мне обычно нравится говорить, что я живу на «Винзаводе». Так как я копирайтер, я всегда стараюсь выбрать наиболее емкое слово. Говоря, что я живу на «Винзаводе», я частично касаюсь своей деятельности. Люди понимают, что я творческий человек (В., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Курская»).

Активистский район

Наши наблюдения за Басманным как за разнообразным, креативным, студенческим, «тусовочным», центральным и историческим районом все больше приводят нас к выводам не только о содержательных основаниях локальной идентичности, но и о богатстве и многообразии ее проявлений и артикуляций. Мы можем говорить поэтому об активности гражданской жизни района как об еще одном – интегральном, объемлющем в себе другие – характерном образе Басманного района. Многообразие состава населения, символическая «борьба» образов, попытки выделить район «для своих» или «для чужих», закрыться от внешних воздействий или, наоборот, открыться новым творческим преобразованиям – ярко указывают на Басманный район как активистский. Однако активистские группы так же, как и «тусовочные» места, по-разному локализуются на территории.

Если брать активизм, то, конечно, в центре более сплоченная и продвинутая, уже «убитая» жизнью группа активистов. А в Басманном... их достаточно много, плюс они достаточно определены, то есть у Хохловки это своя группа, у нас [на Новой Басманной] своя, [если] где-то надо, то мы объединяемся, где-то там муниципальные депутаты нас объединяют. В Басманном существенно более активные жители, чем в Ростокино (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

Гражданский характер активности жителей района увязывается с его центральностью и, вероятно, служит одним из важных проявлений этой идентичности. С усложнением структуры общества центра Москвы, с символическим «умножением» и наслаиванием разнообразных идентичностей, а также с сохранением историзма среды возникает больше диссонансов и конфликтов, чем в периферийных районах, которые устроены более однообразно и семиотически просто.

Вопросов больше [в центре], чем в других районах. [Это связано] со сложностью инфраструктуры, больше дворов, больше всяких проездов. То есть если там на какой-то большой район один парк и вокруг него устраиваются люди, то у нас че-

рез каждые две улицы парк, и, соответственно, будет это диверсификация активистов по разным направлениям... Это хорошо, это развивает людей, в том числе в плане гражданского общества. В плане осознанности, так сказать, пребывания и местоположения в этом районе. Кто не хочет в этом участвовать, тот не участвует, он просто говорит «и без нас вас много». Те, кто переезжает, достаточно активно потом втягиваются (О., жен., ок. 35 лет, живет на улице Новая Басманная).

Но причины развития гражданского активизма в Басманном более глубинные и ценностные, чем описаны информантом выше. Точечные гражданские инициативы отходят на второй план; проанализировав некоторые высказывания, мы можем утверждать, что активизм наравне с центральностью лежит в основе идентичности района.

Я думаю, что у жителей Басманного, именно у людей, которые здесь уже долго живут, у них, возможно, есть большая склонность к гражданскому активизму с точки зрения города. Я слежу за локальными СМИ, чатики «Покровки и окрестностей», там часто... (но, может быть, это тоже вопрос выборов, потому что я состою в чатах, где активисты, а не состою, где не активисты) замечаю, что они сильно беспокоятся за, например, за историческое здание, которое переделывают или покрасили не в тот цвет и так далее. У них есть какая-то идентичность людей, живущих в центре, не как у меня, я думаю, что раз я живу в центре, то могу «тусоваться» и быстро доезжать куда-то, а она такая, что мы живем в центре нашего города прекрасного, мы его оберегаем, а люди из «Ямы» его рушат. <...> Я думаю, что у них она [гордость за свой район] просто больше выражена; даже в Тушино, где я раньше жила, тоже были локальные активисты, но мне кажется, что у этих [в Басманном районе] есть еще какая-то историческая или культурологическая привязка, что мы в центре столицы (Е., жен., ок. 25 лет, живет около станции метро «Курская»).

Обязательно стоит упомянуть, что активизм в данной ситуации не просто широко развит и разнонаправлен, а одновре-

менно призван бороться с определенными «неудобствами», возникающими из-за своеобразной «центральнойности» среды, стигматизации образа «тусовочного» района, который мешает в первую очередь самим жителям Басманного. Можно сказать, что «тусовочность» в определенной мере ограничивает их право на город. Конфликт интересов в этой плоскости ярко репрезентирован кейсом «Ямы»:

Мне просто хочется, чтобы пространство здесь было больше для людей и чтобы люди могли этим пользоваться, а не так, как сделали «Яму» – и теперь никто не может там сидеть, а если хочешь сидеть, то покажи сумку и так далее. То есть полиция там стоит постоянно, сейчас какой-то стеклянный забор начали делать, чтобы, видимо, люди не могли просто так вылезти, если им понадобится сбежать. Плюс да, мне не нравится засилье полиции сейчас, потому что это очень напрягает, я не чувствую себя спокойно, когда рядом стоит автозак и когда они смотрят на меня глазами «хм, интересно, получится ли к тебе прикопаться или нет» (Е., жен., ок. 30 лет, живет около улицы Покровка).

Образ и идентичность района как «тусовочного» и инклюзивного противопоставляется жителями конструируемому желаемому образу Басманного как района только «для своих», закрытого и спокойно-го. Реальность воспринимается некоторыми жителями как «засилье» бизнеса, питейно-развлекательной культуры – и, кстати говоря, проявлений «креативного района». Палимпсестное строение Басманного в очередной раз подтверждается напластованием и даже столкновением «своего» и «чужого».

То есть да, люди не хотят. То есть люди: «или вы приходите к нам и на этих общественных пространствах ведете себя в соответствии с правилами, которые мы тут установим, или вы идете на фиг». Что касается бизнеса, то вот это засилье. Есть огромная борьба на уровне не только района, не только Ивановской горки, но и других частей района с этой питейно-развлекательной культурой. То есть кофейня – пожалуйста. Книжный магазин типа «Ходасевича». Ка-

кой-нибудь суперинтеллигентный бар с довольно высоким ценником типа «I Like Wine», который закрывается в 22:00, – о'кей. Все остальное – идите на фиг. И люди же закрывают. Люди это делают. Люди закрывают пачками веранды... Патрики – это прям камень преткновения. То есть если вот будут «вторые Патрики» с этой молодежью, с этим всем. Не хотим. Этого не нужно. Этого не должно быть. <...> [Район] для жизни, из него хотят сделать какой-то там район для развлечения, район для развития кластеров, район для джентрификации. А мы хотим, чтобы мы в нем просто жили и всё, и отстаньте от нас (N., жен., эксперт, представитель общественной организации).

Обратной стороной конфликтности и столкновения интересов активистов, которые мы показали выше, выступает явно сформулированный запрос на кооперацию соседей и формирование сплоченных локальных сообществ, добрососедских, более «человечных» и теплых отношений.

Сначала я хотела сказать, что было бы очень здорово иметь какие-то добрососедские отношения, потому что все-таки для меня дом немного выходит за понятие стен квартиры, то есть я, в принципе, уже когда подхожу к своей улице, я чувствую, что что-то домашнее приближается, и если бы существовали какие-то тесные или хотя бы теплые взаимоотношения в доме в целом, это было бы гораздо приятнее, потому что элементарная взаимовыручка или какие-то события, связанные с домом, легче было бы координировать (A., жен., ок. 20 лет, живет около станции метро «Бауманская»).

Это наблюдение подтверждает образ Басманного района как активистского или, лучше сказать, гражданственности как одно из оснований локальной идентичности.

Мне кажется, что люди прогрессивных взглядов сейчас сами стараются быть частью community. Тебе не обязательно быть гражданином мира. Все, что тебе нужно, у тебя уже есть. Кажется, что ты берешь от жизни больше, если ты знаешь, кто живет у тебя на районе, где можно заказать

фермерские продукты, смотреть кино и так далее. Это делает тебя более приспособленным к жизни (B., жен., ок. 30 лет, живет около станции метро «Курская»).

Так центральность и разнообразность воплощаются в конкретных образах исторического (и конструируемого «исторического»), креативного, студенческого, «тусовочного» района; а они все, в свою очередь, с течением времени формируют активистскую составляющую локальной идентичности Басманного: здесь так много всего смешано, воплощено и растворено, что быть местным – значит быть разным, но в каждый момент отличным от других, даже от других центральных жителей.

Пространственные различия в районной идентичности

Палимпсест идентичности Басманного района отличается выраженной пространственной неоднородностью. В первую очередь его территорию можно подразделить на две части, отличающиеся разными наборами характерных образов и различиями в их пространственной репрезентации. Условно назовем юго-западной и северо-восточной.

Две части района разделены серьезным физическим и ментальным барьером – идущими параллельно друг другу магистралями Садового кольца и Курской железной дороги. Барьерные свойства магистралей существенно ограничивают проницаемость пространства района и способствуют обособлению его частей.

Юго-западная часть района располагается внутри Садового кольца, в самом что ни на есть географическом центре Москвы. В восприятии этой территории наслаивается друг на друга множество исторических, социальных и культурных слоев. Ситуация усугубляется экономическим контекстом данного пространства: в силу выгодного положения в центре города оно характеризуется высокой плотностью экономической активности, в особенности объектов сектора услуг. Центральность и историчность тут входит в сложное взаимодействие с «тусовочностью».

Результатом этого становится представление о символическом «перенасыщении» юго-западной части района. Среди многообразия вернакулярных

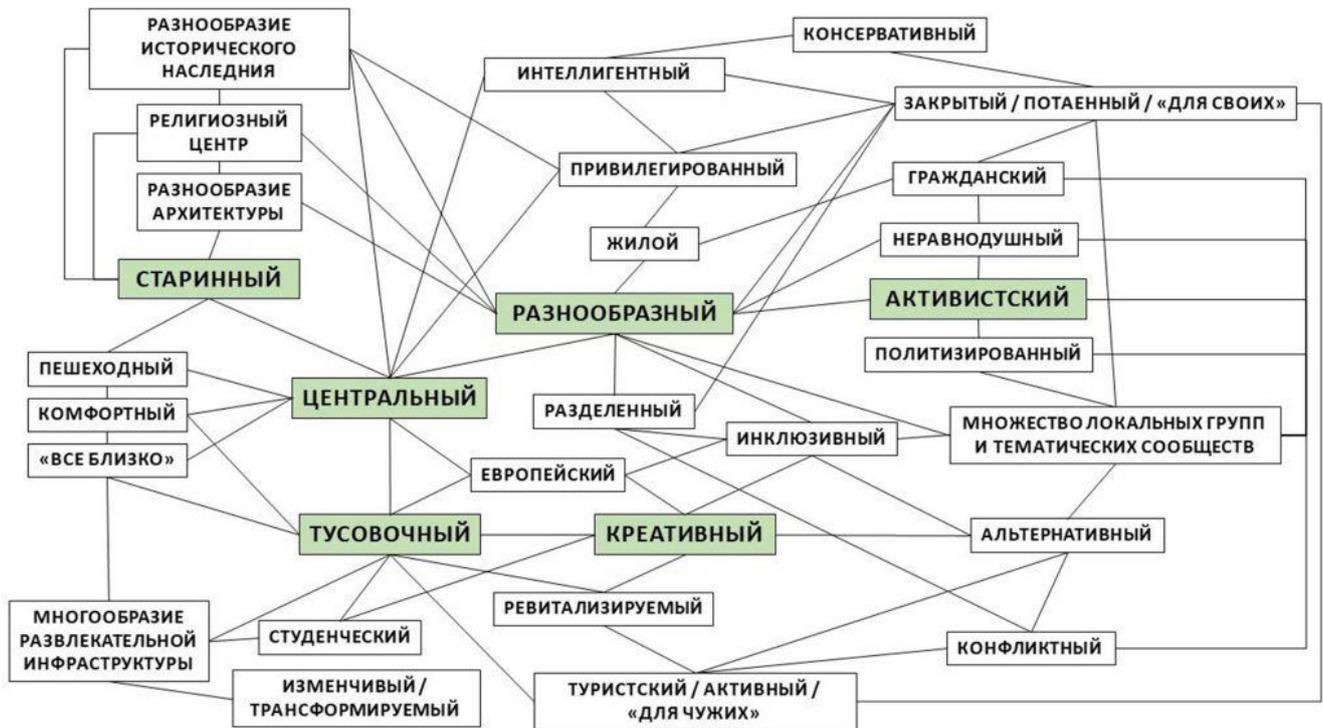

Рис. 1. Основания локальной идентичности Басманного района Москвы
Источник: составлено авторами.

объектов выделяются, как правило, только самые значимые и крупные. В первую очередь это станции метрополитена («Чистые пруды», «Китай-город», «Курская», «Лубянка») и ряд улиц (Маросейка, Покровка, Мясницкая, Чистопрудный и Покровский бульвары, Садовое кольцо), формирующих основу улично-дорожного каркаса территории, а также отличающихся высокой концентрацией объектов сектора услуг, что делает данные улицы широко известными и узнаваемыми.

«Площадные» вернакуляры играют значительно меньшую роль в структурировании картины восприятия юго-запада района. Одним из таких кейсов служит Ивановская горка: она присутствует на ментальной карте рассматриваемой территории, но не имеет строгих, разделяемых всеми границ.

Подобная ситуация характерна и для восприятия Басманного района в целом: большинство информантов, проживающих на юго-западе муниципалитета, практически не отождествляют с ним территорию своего проживания; районная идентичность в их случае «замещается» более выраженной идентичностью «жителя центра Москвы». Также, как правило, информанты из юго-западной части не очень хорошо представляют себе административные границы района. Басманный для них слишком широкая «конструкция», тогда как Ивановская горка или Чистые пруды, как локальные «домашние» вернакуляр-

ные районы, гораздо лучше «уживаются» с центральностью без внутренних подразделений.

Северо-восточная часть района воспринимается информантами принципиально иным образом. Она уже находится вне границ общегородского центра Москвы в его узком понимании, отличается сравнительно меньшей «плотностью» смысловой наполненности. Плотность экономической активности на этой территории также заметно ниже, равно как и степени смешения застройки различных исторических периодов. Казалось бы, образы центрального и разнообразного района тут должны быть незаметны...

В то же время в северо-восточной части района сложился свой локальный центр – им стала станция метро «Бауманская» и ее ближайшие окрестности. Иные значимые «точечные» вернакулярные объекты в этой части района также присутствуют – в основном они представлены университетами (МГТУ им. Баумана и Высшей школой экономики), крупными религиозными объектами (Елоховский собор), общественными пространствами (Библиотека им. Некрасова и др.).

В связи с этим «площадные» вернакулярные объекты здесь играют гораздо более важную роль в репрезентациях пространства жителями. В особенности это характерно для исторических слобод, существовавших на территории района (Басманной, Немецкой, Сыромятнической), и отдельных исторических кварта-

лов (Буденновский поселок). Границы подобных ареалов с той или иной точностью продолжают репрезентироваться жителями. Линейные вернакуляры, напротив, играют в северо-восточной части района меньшую роль, чем в юго-западной, возможно, потому, что на рассматриваемой территории сложно выделить ключевые улицы. Главная внутренняя транспортная магистраль формально разбита на три небольших участка – Старую Басманную, Спартаковскую и Бакунинскую улицы соответственно. Исключением служит короткая Ладожская улица, где сформировался кластер объектов общественного питания, в то же время в силу небольшой протяженности и расположения около метро «Бауманская» ее можно включить в состав крупного «точечного» ареала, сформированного вокруг нее.

Информанты, проживающие в северо-восточной части района, достаточно часто упоминают собственную «басманную» идентичность и соотносят себя с его территорией. Некоторые из них хорошо представляют административные границы; в то же время ряд информантов не отождествляет с ним юго-западную часть района.

Идентичность именно Басманного района становится в этой части ключевой – но благодаря упомянутым выше точечным вернакулярам и площадным ареалам образы центрального, разнообразного, «тусовочного», студенческого и активистского района тут так же актуальны, как и в юго-западной части.

Особый интерес представляет креативный кластер, расположенный к северо-востоку от Курского вокзала. Этот объект является важным вернакулярным ареалом, который, в отличие от других «площадных» вернакуляров северо-восточной части района, обладает размытыми границами. Многие информанты не ассоциируют его с районом – в том числе те, кто имеет представление о его границах. На наш взгляд, данный кластер органично встраивает образ креативного района в «басманную» идентичность.

Заключение

Таким образом, в настоящей статье мы выявили систему взаимосвязанных, включенных один в другой, обуславливающих друг друга географических образов, репрезентирующих уникальность Басманного района Москвы и составляющих основания ло-

кальной идентичности жителей этого места.

Многие характерные черты Басманного района многозначны, от этого и *палimpseст* его идентичностей оказался многоголосьим, с напластованиями смыслов и множественных трактовок.

Визуально локальная идентичность Басманного представлена на рис. 1 в виде образно-географической карты, одной из разновидностей ментальных карт.

Басманный район обладает очевидными *центральностью* и *историчностью*. Эти взаимосвязанные образы составляют важную часть локальной идентичности, но сами по себе требуют интерпретации. Особенность Басманного – в разнообразии смыслов, полимасштабных вернакулярных объектов (от станции метро «Бауманская» до Ивановской горки), наличии религиозных центров, явно выраженных местных сообществ и исторических местностей. При этом указанные выше черты центральности, «замешанные» на историчности, смешиваются с образом *альтернативного* центра, подпитываемым историей Немецкой слободы и нынешней инклюзивностью и креативностью района. *Креативные* кластеры за Курским вокзалом, «*тусовочные*» точки прежде всего внутри Садового кольца служат одновременно ярким основанием локальной идентичности и «раздражающим фактором» для недовольных открытостью района местных жителей. Этот механизм «включения – выключения» образов *креативного, студенческого, «тусовочного*» района из локальных идентичностей Басманного легитимирует две важные уникальные черты места: это *разнообразный* и потому *активистский* район. Разнообразие, всеобщая диверсификация смыслов, интерпретаций, морфотипов среды, сообществ – яркое проявление центральности района и причина *внутренней неоднородности* его территории. Этот же образ гарантирует и особый *гражданский* характер жителей Басманного: это *активистский* район, где историческое наследие, сложившаяся «атмосфера» тихих переулков, отсутствие или наличие «громких» точек притяжения становятся «ареной» появления, манифестации локальных гражданских инициатив и вовлечения местных сообществ в повестку дня.

Источники

Аларушкина С., Борисов А., Воронина А., Глазун П., Гришунов Е., Зиатдинова С., Квеледзе М., Кирюхин Д., Митин И., Михайлов А.,

- Молодцова В., Фатехова А. (2019). «Увидеть невидимое: в поисках локальной идентичности района Ясенево в Москве»//ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. Т. 11. № 20. С. 133–163. Режим доступа: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/5875> (дата обращения: 20.03.2024).
- Богданова Е., Бредникова О., Запорожец О. (2021) Как понимать и как исследовать соседство?//Laboratorium: журнал социальных исследований. Т. 13. № 2. С. 139–171.
- Вендина О.И. (2012) Московская идентичность и идентичность москвичей//Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 27–39.
- Визгалов Д.В. (2011) Брендинг города. Москва: Фонд «Институт экономики города».
- Губогло М.Н. (2003) Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. Москва: Наука.
- Замятин Д.Н. (2013) Геокультурный брендинг территории: концептуальные основы//Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 5. С. 11–23.
- Лефевр А. (2015) Производство пространства. Москва: Strelka Press.
- Линч К. (1982) Образ города. Москва: Стройиздат.
- Митин И. (2011) На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства//Топос. № 1. С. 62–73.
- Митин И.И. (2022а) Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления//Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Т. 49. № 1. С. 108–125.
- Митин И.И. (2022б) Место и безместье в ментальной картографии: На пути к гуманистическим ГИС?//Воображаемые картографии: Карта и географическое воображение в истории и культуре/Под общ. ред. Д.Н. Замятина, И.Г. Коноваловой. М.: Институт всеобщей истории РАН. С. 107–113.
- Млечко Л.Е. (2015) «Символический капитал» города Волгограда в анализе территориальной идентичности//Форум: гуманитарные и экономические науки. Т. 5. № 2. С. 51–60.
- Самошкина И.С. (2008) Территориальная идентичность как предмет социально-психологического исследования//Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». № 3. С. 43–53.
- Смирнягин Л.В. (2007) О региональной идентичности//Вопросы экономической и политической географии. Т. 17/Под ред. И.С. Ивановой, И.М. Кузиной, А.С. Фетисова. Москва-Смоленск: Ойкумена. С. 21–49.
- Федотова Н.Г., Васильева Н.Ю. (2017) Символический капитал Великого Новгорода в дискурсе социальных медиа//Знак: проблемное поле медиаобразования. Т. 24. № 2. С. 119–127.
- Atkinson D., Cosgrove D. (1998) Urban Rhetoric and Embodied Identities: City, Nation, and Empire at the Vittorio Emanuele II Monument in Rome, 1870–1945//Annals of the Association of American Geographers. Vol. 88. No. 1. P. 28–49.
- Bitusikova A. (1998) Transformations of a City Centre in the Light of Ideologies//International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 22. No. 4. P. 614–622.
- Castells M. (2010) The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture. New Jersey: Wiley-Blackwell.
- Chang T.C., Lim S.I. (2004) Geographical Imaginations of 'New Asia—Singapore'//Geografiska Annaler. Vol. 86. No. 3. P. 165–185.
- Cuba L., Hummon D.M. (1993). A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region//The Sociological Quarterly. Vol. 34. No. 1. P. 111–131.
- Diener A., Hagen J. (2013) From Socialist to Post-socialist Cities: Narrating the Nation through Urban Space//Nationalities Papers. Vol. 41. No. 4. P. 487–514.
- Ehrkamp P. (2010) Identity, Geography and//Encyclopedia of Geography. Vol. 1/Ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA–L.–New Delhi–Singapore: SAGE. Режим доступа: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n608.xml> (дата обращения: 20.03.2024).
- Entrikin N. (1991). The Betweenness of Place. Towards a Geography of Modernity. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Kavaratzis M., Ashworth G. (2010) Place branding: Where do we stand//Towards Effective Place Brand Management/ Ed. by G. Ashworth, M. Kavaratzis. Cheltenham–Northampton, MA: Edward Elgar. P. 1–14.
- Kavaratzis M., Hatch M.J. (2013) The Dynamics of Place Brands: An Identity-Based Approach to Place Branding Theory//Marketing Theory. Vol. 13. No. 1. P. 69–86.
- Mitin I. (2018) Constructing Urban Cultural Landscapes & Living in the Palimpsests: A Case of Moscow City (Russia) Distant Residential Areas//BELGEO. No. 4. P. 1–15. Режим доступа: <https://journals.openedition.org/belgeo/28126> (дата обращения: 20.03.2024).
- Proshansky H., Fabian A., Kamikoff R. (1983) Place identity: Physical World Socialisation of the Self//Journal of Environmental Psychology. Vol. 3. No. 1.
- Relph E. (1976) Place and Placelessness. London: Pion Limited.
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology". DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3301264>.
- Ter-Ghazaryan D. (2013). "Civilizing the City Center": Symbolic Spaces and Narratives of the Nation in Yerevan's Post-Soviet Landscape//Nationalities Papers. Vol. 41. No. 4. P. 570–589.
- Tuan Y.-F. (1974) Space and Place: Humanistic Perspective//Progress in Geography. Vol. 6. P. 211–252.
- Tuan Y.-F. (1976) Humanistic Geography//Annals of the Association of American Geographers. Vol. 66. P. 266–276.

Tuan Y.-F. (2002) *Space and Place. The Perspective of Experience*. 9th ed. London: University of Minnesota Press.

Warnaby G., Medway D. (2013) What about the 'Place' in Place Marketing? // *Marketing Theory*. Vol. 13. No. 3. P. 345-363.

IN SEARCH OF THE LOCAL IDENTITY OF BASMANNY DISTRICT IN MOSCOW: FROM THE ELUSIVE TO THE MULTIPLE

Ekaterina A. Baburina, Bachelor's Student, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: kababurina@gmail.com

Ivan I. Mitin, Candidate of Geography Sciences, Associate Professor, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: imitin@hse.ru

Alexander A. Mikhaylov, Lecturer, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, 13/4 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: aamihaylov@hse.ru

Diana D. Khaziakhmetova, Graduate Research Assistant, Geography Dept., George Washington University (GW), USA, 20052, Washington, D.C., 2036 H St. NW, Samson Hall, Second Floor. E-mail: diana.khaziakhmetova@gmail.com

Abstract. This article considers the local identity of the Basmanny district of Moscow, understood through a set of unique but inter-related images of this urban area, which form the basis of the identification of local residents as "their" signified and meaningful place.

The central location of Basmanny and its historical environment paradoxically raise the question of the search for a unique identity of place, since the understanding of centrality is ambiguous and blurs local specificity, and the meaning of heritage is originally interpreted by the image of the 'historicity' of the area. The diversification of meanings represented in the image of 'a diverse district' legitimizes the essence of centrality and gives birth to contradictory images of Basmanny as a place for going out, creative industries, and students. The centrality of the district promotes the multiplicity of local sub-centers with their own diversified place images. Reminiscences of 'Nemetskaya Sloboda' ('the German

quarter') create the idea of an alternative center. In general, the identity of Basmanny as an old historical area with a special atmosphere for locals is in conflict with the images oriented towards the newcomers and external audiences like students/creatives/party goers.

The local civil position and the identity as an 'activist district' is manifested as a result. It is based on the diversity of place meanings, a few contested heritage places, and the multiplicity of local communities and their civil initiatives. The latter include those opposing important local sub-centers symbolically constructing images of a place for creativity and parties.

All these contradictory and/or interconnected meanings, with vivid local ties and spread across the entire area, form a unique palimpsest of the local identities of Basmanny district in Moscow.

Keywords: local identity; image of the city; place; uniqueness; palimpsest; Basmanny District

Citation: Baburina E.A., Mitin I.I., Mikhaylov A.A., Khaziakhmetova D.D. (2024) In Search of the Local Identity of Basmanny District in Moscow: From the Elusive to the Multiple, *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 1, pp. 34-54. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp91202434-54> (in Russian)

References

- Alarushkina S., Borisov A., Voronina A., Gladun P., Grishunov E., Ziatdinova S., Kveladze M., Kiriukhin D., Mitin I., Mikhaylov A., Molodtsova V., Fatekhova A. (2019) Uvidet' nevidimoe: v poiskakh lokalnoi identichnosti raiona Yasenevo v Moskve [To See the Invisible: In Search of Local Identity of Yasenevo Area in Moscow]. *INTERaktsiya. INTERvyu. INTERpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], vol. 11, no 20, pp. 133-163. Available at: <https://www.inter-fnisc.ru/index.php/inter/article/view/5875> (accessed 20.03.2024). (in Russian)
- Atkinson D., Cosgrove D. (1998) *Urban Rhetoric and Embodied Identities: City, Nation, and Empire at the Vittorio Emanuele II Monument in Rome, 1870-1945. Annals of the Association of American Geographers*, vol. 88, no 1, pp. 28-49.

- Bitusikova A. (1998). Transformations of a City Centre in the Light of Ideologies. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 22, no 4, pp. 614-622.
- Bogdanova E., Brednikova O., Zaporozhets O. (2021) Kak ponimat i kak issledovat sosledstvo? [How Can Neighborhood Be Understood and Studied?]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], vol. 13, no 2, pp. 139-171. (in Russian)
- Castells M. (2010) *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*. New Jersey: Wiley-Blackwell, 2010.
- Chang T.C., Lim S.I. (2004) Geographical imaginations of 'New Asia-Singapore'. *Geografiska Annaler*, vol. 86, no 3, pp. 165-185.
- Cuba L., Hummon D.M. (1993) A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region. *The Sociological Quarterly*, vol. 34, no 1, pp. 111-131.
- Diener A., Hagen J. (2013) From Socialist to Post-socialist Cities: Narrating the Nation through Urban Space. *Nationalities Papers*, vol. 41, no 4, pp. 487-514.
- Ehrkamp P. (2010) Identity, Geography and. *Encyclopedia of Geography*, vol. 1/ed. by B. Warf. Thousand Oaks, CA-L.-New Delhi-Singapore: SAGE. Available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n608.xml> (accessed 20.03.2024).
- Entrikin N. (1991) The Betweenness of Place. Towards a Geography of Modernity. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Fedotova N.G., Vasil'eva N.Yu. (2017) Simvolicheskiy kapital Velikogo Novgoroda v diskurse social'nykh media [Symbolic capital of Veliky Novgorod in the social media discourse]. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya* [Sign: The Problematic Field of Media], vol. 24, no 2, pp. 119-127. (in Russian)
- Guboglo M.N. (2003) Identifikatsiya identichnosti. Etnosotsiologicheskie ocherki [The Identification of Identity. Ethnosociological Essays]. Moscow: Nauka [Science]. (in Russian)
- Kavaratzis M., Ashworth G. (2010) Place branding: Where do we stand. *Towards effective place brand management*/ed. by G. Ashworth, M. Kavaratzis. Cheltenham-Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 1-14.
- Kavaratzis M., Hatch M.J. (2013) The Dynamics of Place Brands: An Identity-Based Approach to Place Branding Theory. *Marketing Theory*, vol. 13, no 1, pp. 69-86.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
- Lynch K. (1982) *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow: Stroyizdat. (in Russian)
- Mitin I. (2011) Na puti k voobrazhaemoy geografii: dva povorota, tri prostranstva [On the Way towards Imaginary Geography; Two Turns, Three Spaces]. *Topos*, no 1, pp. 62-73. (in Russian)
- Mitin I. (2018) Constructing Urban Cultural Landscapes & Living in the Palimpsests: A Case of Moscow City (Russia) Distant Residential Areas. *BELGEO*, no 4, pp. 1-15. Available at: <https://journals.openedition.org/belgeo/28126> (accessed: 20.03.2024).
- Mitin I. (2022a) Gorod kak palimpsest: ot istoriko-geograficheskoy metafory k semioticheskoy modeli territorial'nogo upravleniya [City as Palimpsest: from a Metaphor within Historical Geography towards a Semiotic Model of Place Management]. *Human being: Image and essence. Humanitarian aspects*, vol. 49, no 1, pp. 108-125. (in Russian)
- Mitin I.I. (2022b) Mesto i bezmest'e v mental'noj kartografii: Na puti k gumanisticheskim GIS? [Place and Placelessness in Mental Cartography: Towards Humanistic GIS?]. *Voobrazhaemye kartografii: Karta i geograficheskoe voobrazhenie v istorii i kul'ture* [Imaginary Cartographies: Map and Geographical Imagination in History and Culture]/ed. by D.N. Zamyatin, I.G. Konovalova. Moscow: Institut vseobshchey istorii RAN [Institute of World History RAS], pp. 107-113. (in Russian)
- Mlechko L.E. (2015) "Simvolicheskiy kapital" goroda Volgograda v analize territorial'noj identichnosti [Symbolic capital of Volgograd city in the analysis of territorial identity]. *Forum: Gumanitarnye i Ekonomicheskie Nauki* [Forum: The Humanities and Economics], vol. 5, no 2, pp. 51-60. (in Russian)
- Proshansky H., Fabian A., Kamikoff R. (1983) Place Identity: Physical World Socialisation of the Self. *Journal of Environmental Psychology*, vol. 3, no 1.
- Relph E. (1976). *Place and Placelessness*. London: Pion Limited.
- Samoshkina I. (2008) Territorialnaia identichnost kak predmet sotsialno-psikhologicheskogo issledovaniya [Territorial Identity as a Social-Psychological Research Subject]. *Vestnik RGGU. Seriya "Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie"* [RGGU Bulletin. Series Psychology. Pedagogics. Education], no 3, pp. 43-53. (in Russian)
- Smirnyagin L. (2007) O regionalnoi identichnosti [On the Regional Identity]. *Voprosy ekonomicheskoi i politicheskoi geografii* [Issues in Economical and Political Geography], vol. 17/ed. By I.S. Ivanova, I.M. Kuzina, A.S. Fetisov. Moscow-Smolensk: Oecumene, pp. 21-49. (in Russian)
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. *NRU Higher School of Economics. Series SOC "Sociology"*. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3301264>.
- Ter-Ghazaryan D. (2013). "Civilizing the City Center": Symbolic Spaces and Narratives of the Nation in Yerevan's Post-soviet Landscape. *Nationalities Papers*, vol. 41, no 4, pp. 570-589.
- Tuan Y.-F. (1974) Space and Place: Humanistic Perspective. *Progress in Geography*, vol. 6, pp. 211-252.
- Tuan Y.-F. (1976) Humanistic Geography. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 66, pp. 266-276.
- Tuan Y.-F. (2002) *Space and Place. The Perspective of Experience*. London: University of Minnesota Press.
- Vendina O.I. (2012) Moskovskaia identichnost i identichnost moskvichei [Moscow Identity and the Identity of Muscovites]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya], no 5, pp. 27-39. (in Russian)
- Vizgalov D.V. (2011) Brending goroda [City Branding]. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda" [Urban Economics Institute Foundation]. (in Russian)

Warnaby G., Medway D. (2013)
What about the 'Place'
in Place Marketing? *Marketing
Theory*, vol. 13, no 3,
pp. 345-363.

Zamyatin D.N. (2013) Geokulturnyi
branding territorii: kontseptual-

nye osnovy. [Geo-Cultural Branding
of Territories: The Conceptual
Grounds]. *Labirint. Zhurnal so-
cial'no-gumanitarnyh issledovaniij*
[Labyrinth. Journal of Philosophy
and Social Sciences], no 5,
pp. 11-23. (in Russian)